

Шведский
БДСМ-детектив

ЭВА ХАНСЕН

Цвет боли:
КРАСНЫЙ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)
X 19

Хансен Э.

X 19 Цвет боли: КРАСНЫЙ / Эва Хансен. — М. : Эксмо : Яуза, 2013. — 544 с. — (Шведский БДСМ-детектив).

ISBN 978-5-699-63213-8

«Самый впечатляющий шведский детектив после ухода Стига Ларссона!»
Svensk Nyheter

«Что бы ни говорили ханжи, этот роман не о пороке, а о безднах любви.»
Uppsala Expressen

«Смешайте в нужной пропорции «Девушку с татуировкой дракона» и «50 оттенков серого» — и наслаждайтесь вкусом нежности и боли!»
Böcker för alla

«В этом романе Стокгольм — не просто место преступления, но третья сторона «любовного треугольника». Такого Стокгольма — города греха, чувственности и неистовых страстей — шведская литература еще не знала!»
Öppna TV Stockholm

«Пугающе откровенный, восхитительно чувственный эротический детектив!»
Svenska magasin för kvinnor

Все шведские газеты трубят о серии загадочных убийств девушек, отличавшихся при жизни не самым праведным поведением. Подозрение падает на Ларса Юханссона — молодого эксцентричного миллионера, известного в узких кругах своими «особыми» эротическими пристрастиями. Юная журналистка, проникнув «под прикрытием» в закрытый для посторонних глаз мир БДСМ, вскоре с ужасом осознает, что без ума от подозреваемого — ее неудержимо влечет к нему, словно бабочку на огонь...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-699-63213-8

© Эва Хансен, 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

**Посвящается А.К.,
без которого эта книга
не состоялась бы.**

Этот месяц не просто перевернул мою жизнь, он заставил меня изменить все представления о себе самой. В четыре недели вместились столько надежды и страха, радости и ужаса, счастья и боли... Боли всех цветов и оттенков от простой физической до тяжелой душевной. Но что бы я не испытала, я ни на миг не пожалела о том, что произошло, потому что без этой боли не было бы самого большого счастья.

А начиналось все так обычно...

РОЗОВЫЙ

— Бритт! Бри-итт! — завязывая кроссовки, я зову подругу вовсе не для того, чтобы она составила мне компанию. Это нечто вроде первого звонка будильника. Когда вернусь с пробежки, последует второй, и только потом запах свежесваренного кофе поднимет Бритт с постели.

Из комнаты подруги доносится мычание:

— У-у...

— Я побежала.

— Угу...

Подруга делает вид, что простужена, а потому сегодня осталась дома, хотя это не редкость. Бритт частенько изыскивает поводы не бегать по утрам, не потому что ленива, а потому что патологическая сова, для нее встать раньше девяти — сущее мучение. Испорченное из-за подъема в семь утра настроение не улучшит потом ничто, даже шведский шоколад, который Бритт готова есть килограммами.

Конечно, у нее есть оправдание, причем вполне логичное — Бритт американка, хотя сама себя считает шведкой. Об Америке

ЦВЕТ БОЛИ: КРАСНЫЙ

она вспоминает, когда надо объяснить ночные бодрствования и дневной сон:

— В Америке еще ночь.

Или:

— В Америке еще не рассвело.

Хотя за столько месяцев учебы в Стокгольме можно бы и перевести свои биологические часы.

Выбежав из дома, я решительно поворачиваю в сторону Мастер-Микаэльс-гата. Это уже ритуал: в одиночку всегда отправляюсь к Фьелльгатан, Бритт же подавай прямо противоположный маршрут — к Рынку и Арке Боффиля, там, видите ли, условия лучше и освещенность тоже. А мне нравится пару раз сбежать по Лестнице Последнего Гроша, но не только потому, что лестница сама по себе хороша для тренировки мышц, просто я обожаю остров Сёдермальм, а именно район СоФо (Сёдер южнее Фолькункагтана — для тех, кому весь Стокгольм за пределами Гамла Стана это «где-то там»), что бы там о нем не говорили. А еще маленькие, почти деревенские домики возле Катарина-чюрки и сады на Фьелльгатан. Почему? Не знаю сама.

Конечно, СоФо не всегда был приятным районом. Мастер Микаэльс, чьим именем названа крошечная площадь, например, просто стокгольмский палач, а на месте очаровательной Норскачюрка (Норвежской церкви) некогда стояла огромная виселица, на которой казненные болтались, как пальто в гардеробе — рядами. И Хэккельфьелль недаром называли Чертовой горой, по поверьям именно здесь собирались ведьмы перед своим пролетом над городом на шабаш на горе Блокулла. Этого никто не видел своими глазами, но все в это верили. Лучшим способом расквитаться с приглянувшейся мужу соседкой было заявление, что та в полночь

Ева ХАНСЕН

торопилась на Хэккельфьелль, правда, могли поинтересоваться, что сама делала в такой неурочный час на улице...

Это все в прошлом, ведьмы теперь ездят на «Саабах» или метро, Катарина-чюрку в очередной раз восстановили после пожара, но очарование древности и деревенского местечка осталось. Небольшие деревянные дома с садами за крашеными заборами и даже с водой из колонок — сколько мегаполисов могут таким похвастать? Мне почему-то кажется, что именно уголок СоФо залог живучести Стокгольма.

Когда моя ехидная сводная сестра, для которой Стокгольм это Нормальм и Эстермальм, напоминала о мрачном прошлом некоторых местечек СоФо, я в ответ фыркала:

— Давно ли на месте твоего обожаемого Берцелий-парка была лужа, называвшаяся, между прочим, Каттхавет. Не знаешь почему?

Тереза лишь картинно пожимала плечами, и я с удовольствием отвечала сама:

— Потому что туда весь город свозил котят — топить! Поищи под кустиками, кошачьих косточек небось немало.

Выросшая в центре Нормальма я, учась в университете, уже выбрала для собственного жилья другой конец города — СоФо, о котором насмешливо говорят, что в нем все такие независимые, что похожи друг на дружку, как две капли воды.

Это неправда, потому что жители СоФо вовсе не похожи. А то, что иногда одеваются словно под копирку, так это от слишком большого желания выглядеть стокгольмцами, ведь в СоФо частенько собираются провинциалы, жаждущие вкусить прелестей столичной жизни. Это быстро проходит, зато именно оттуда выходят гении дизайна.

Размышляя о жителях СоФо, я пробежала мимо красивой Норска-чюрки и направилась к любимой Лестнице. В этом районе туристы редки, их привлекает Гамла Стан, а если на этом берегу,

ЦВЕТ БОЛИ: КРАСНЫЙ

то предпочитают Сёдермальмсторг (смешно, сейчас требуют вернуть ей старое название — Рюссгарден, «Русское подворье») возле Слюссена, центральную Йотгатан с Рынком и массой магазинов, а теперь вот еще обожаемую Стигом Ларссоном площадь Мария-торьет и Санкт-Паульсгатан. Вокруг фонтана Рыбалки Тора отныне толпы экскурсантов, разинув рты, слушают, как замечательно жились героям ларссоновского «Миллениума».

Конечно, замечательно, что простой журналист смог себе позволить апартаменты в таком месте. Но несоответствие никого не волнует, как и отсутствие реального адреса у крыши Карлсона. Гиды почему-то решили, что Карлсон жил в красном домике напротив скульптуры Георгия со змием на Купеческой улице, и даже автор не сумела никого в этом переубедить. Шведам все равно, они Карлсона не очень любят. Да и за что любить? Бездельник, лентяй и обжора. Ну и Микаэль Блумквист пусть живет в пентхаусе на Белльмансгатане, если этого так хотелось Стигу Ларссону. Меня никогда не притягивало то, что любят толпами, кажется, что это не любовь и даже не интерес, а просто желание «отметиться», мол, и я здесь был.

А туристы прилежно фотографируют крышу красного дома у Георгия со змием и пентхаус Белльмансгатан №1, лестницу в Ратуше, по которой спускаются нобелевские лауреаты (интересно, хоть кто-то из этих организованных фотографов в действительности представляет себя в качестве лауреата, как советуют экскурсоводы?). Обязательно смену караула у Королевского дворца... И еще ресторан-клуб «Ривал», принадлежащий в том числе Бенни Андерсону, с балкона которого «ABBA» и звезды Голливуда приветствовали после съемок «Матта mia» визжащую от восторга толпу. Пусть, шведы народ терпимый и терпеливый...

Лестницу Последнего Гроша не фотографируют. И слава богу!

Несмотря на свежий утренний воздух, спешившая по пустой улице женщина бодрой себя не чувствовала, напротив, отчаянно боролась со сном. Ничего, до дома два шага, даже души решила не принимать, сразу завалиться спать. В единственный выходной Карин только и делала, что отсыпалась за всю неделю.

Дверь в дом придержала, чтобы та не грохнула, пусть остальные тоже поспят.

— Эй! — на своем этаже Карин обратила внимание на слегка приоткрытую дверь соседской квартиры. — Кайса, ты дома?

Из-за двери никто не отозвался, кажется, в комнате работал телевизор.

Кайса не слишком общительна, живет одна, мужчины к ней не ходят. Да и Карин некогда болтать, едва успевает прийти в себя после одной работы, как пора спешить на вторую. С трех ночи до утра она нелегально убирает в подпольном игровом клубе, потому всю неделю ходит сонной.

Обычно соседки ограничивались фразами приветствия, но в дела друг друга не совали, проблем у всех хватало своих. Позавчера, уходя на работу поздно вечером, Карин услышала, как Кайса выпускает кого-то в квартиру, кажется, женщину, а может даже двоих. Пришлось даже подождать, пока все не стихнет, прежде чем выйти самой, Карин ни к чему лишние вопросы. Неужели потом они вместе ушли, оставив дверь распахнутой?

ЦВЕТ БОЛИ: КРАСНЫЙ

Нет, лучше закрыть дверь и отправиться к себе. Карин так и поступила, однако уже в своей прихожей вдруг почувствовала настоящее желание все же достучаться до соседки. Приоткрытая рано утром дверь в квартиру настораживала... Она пыталась вспомнить, была ли дверь открыта, когда Карин вечером уходила на работу, но так и не вспомнила. Этаж верхний, квартиры только две, но мало ли что могло случиться?

Когда на зов снова никто не ответил, женщину почему-то охватил страх. Отворила дверь пошире. Из комнаты доносился голос ведущей утренней программы теленовостей... Вот это уже совсем не дело — уходить, оставив телевизор включенным!

— Кайса, ты спишь, что...

Договорить не смогла, завизжав на весь дом.

Прибежала соседка снизу Энн, смотрела на выскокившую на площадку Карин с ужасом:

— Что случилось?!

— Там... там...

— Что там?

Но Карин не могла произнести ни слова, только показывала рукой в сторону прихожей. Заглянувшая в квартиру Энн схватилась за сердце:

— О, Господи!

Кайса висела, опутанная какими-то веревками. Ее лицо посинело от удушья, большой язык вывалился...

Карин уже тыкала в кнопки мобильного, вызывая службу спасения.

— Полицию... надо... — замотала головой Энн.

— Они вызовут.

Полиция приехала быстро.

Карин решила не упоминать, что слышала, как Кайса впускала кого-то в квартиру. Все равно женщину она

Ева ХАНСЕН

не видела и даже о голосе ничего сказать не могла, голос как голос, а тогда пришлось бы объяснять, откуда сама возвращалась рано утром.

Кайса умерла еще позавчера, и вторые сутки болталась в таком виде. Страшная смерть от удушья.

Соседки судачили: маньяк?! И каждая проверяла крепость своих запоров. Если уж начали расправляться дома...

Вспоминали, что выглядело подозрительным в жизни Кайсы. Теперь таковым казалось все: жила одна, мало с кем общалась, гости бывали редко, мужчины никогда, только женщина такого же возраста.

Почему не интересовались соседкой целых два дня? А как интересоваться, если Кайса и раньше исчезала и неделями не появлялась, кто же знал, что на сей раз не так? Где она была в это время? Кто же знает, она не рассказывала. И где работала, тоже не говорила. Если человек не желает всем сообщать подробности своей жизни, кто вправе вмешиваться?

Жить в вечно бурлящем Нормальме или роскошном Эстермальме я не осталась из-за сводной сестры. Когда мама второй раз вышла замуж, в семье появилось невыносимо самоуверенное и наглое создание — дочь отчима Тереза. Ее мать бросила девочку и умчалась с новым мужем на ту сторону Атлантики. Отец ребенка баловал, няня-итальянка, жалея малышку, позволяла ей все. Результат получился плачевным, со временем справиться с этим монстром не мог уже никто, переезд из Милана в Стокгольм положения не исправил. Замученная бесконечными капризами няня

ЦВЕТ БОЛИ: КРАСНЫЙ

осталась в Италии, а пятнадцатилетняя Тереза решила, что сводная сестра вполне годится в качестве нового объекта издевательств. Между нами разница в полтора года, это, по мнению Терезы, давало ей право брать мои вещи без спроса. Возвращались они никуда не годными, если вообще возвращались.

На мое счастье это продолжалось недолго. Окончив школу и начав самостоятельную жизнь, я безапелляционно выставила сводную сестрицу вон, как только та попыталась проникнуть в мой новый мир, и сократила до минимума общение со всей семьей. Оставалась еще бабушка — мама моего вечно отсутствующего обожаемого папочки. Вот с ней мы созваниваемся ежедневно, даже когда на лето или ближе к Рождеству она уезжает в загородный дом на озеро Валентуна.

Бабушка считает, что проводить Рождество или летние каникулы в городе почти преступление. Я тоже, а потому, как только Бритт улетит в свою солнечную Калифорнию, отбуду на каникулы к бабушке. Но не раньше, потому что бросить хандрящую из-за осенне-зимнего ненастья подругу одну в Стокгольме мне не позволяет совесть. Приглашение провести каникулы в Бюле вместе со мной Бритт, конечно, не отвергла, но как-то так уклончиво ответила, что я поняла: спасибо, лучше не надо.

Вообще-то скорое отбытие Бритт в Калифорнию секрет, но секрет Полишинеля. Сама подруга об этом ни гу-гу, и мне очень обидно, что она скрывает. Я нечаянно увидела билет на самолет, Бритт об этом не догадывается, а я делаю вид, что не догадываюсь, почему она потихоньку собирает вещи.

Наверняка поставит меня перед фактом вроде:

— Линн, прости, я тут решила слетать домой... Ты ведь не обидишься?

Я обиделась и давно, но не на ее решение посетить родимый дом, а на то, что скрывает от меня. Обиделась и молчу, пусть думает, что не догадываюсь.

Ева ХАНСЕН

Можно, конечно, полететь с ней в Калифорнию, но меня туда не слишком тянёт, не люблю длинные перелёты. К тому же у Бритт должна быть возможность решить все самой, а мое присутствие в их доме на западном побережье США будет откровенным давлением на и без того не устойчивую душу Бритт. Что-то подсказывает мне, что она вряд ли вернется...

Любимая тема Бритт — маньяки, о всяких страстях она может говорить часами. Разумная и очень практичная в остальном девушка с замиранием сердца слушает новостные сводки, если сообщается об очередном убийстве, и сама с придыханием рассуждает о разных насильниках.

Когда я напоминаю, что подавляющее большинство людей за свою жизнь маньяков и не видели даже на фотографиях криминальных сводок, а неприятности имеют гадкое свойство притягиваться именно к тем, кто их ждёт, Бритт горячится:

— Ты не права! Ты не права, и я тебе об этом ответственно заявляю!

Иногда мне кажется, что втайне Бритт надеется встретиться с маньяком, как бы дико это ни звучало. В Америке подруга даже ходила на какие-то курсы единоборств и кое-чему научилась, во всяком случае, время от времени демонстрирует воображаемому насильнику свои воображаемые умения: выставляет ладони ребром и с диким воплем: «Йе!» выбрасывает вперед правую ногу. Видно, это должно отбить у насильника малейшее желание связываться со столь тренированной и воинственной особой.

На деле же после такого упражнения Бритт редко удается удержаться на ногах, она теряет равновесие, и мне не раз приходилось старательно прятать улыбку.

— Все потому что я сейчас мало тренируюсь.

ЦВЕТ БОЛИ: КРАСНЫЙ

— Ты вообще этого не делаешь. Даже пробежаться утром тебя не заставишь.

Подруга зябко ежится:

— В такой холод?

— Какой холод, Бритт? Еще не зима!

— Тем хуже! Мокро, сыро, серо... — она прячет подбородок в большущий воротник теплого свитера, а кисти рук глубоко в рукава.

Я обнимаю ее, словно укрывая от холода и сырости. Бедная теплолюбивая девочка...

— Ты жалеешь, что приехала сюда учиться?

— Нет, что ты! — бодро отвечает моя американская подруга, но с каждым днем уверенности в ее голосе становится все меньше.

Подозреваю, что, улетев домой в свою солнечную Калифорнию на каникулы, обратно она не вернется. Родители Бритт шведы, но отца увезли в США совсем крохой, а вот у мамы остались детские воспоминания о сказочном Стокгольме и пушистом снеге на Рождество. Воспоминания, которыми она щедро делилась с дочерью, изобиловали восторгами: снежная зима, рождественские катания на санях, запряженных оленями, национальные костюмы... Забывая упомянуть о коротком световом дне половину года, пасмурном небе и том, что глубокие снега зимой — это север, а не юг Швеции, но там вообще полярная ночь.

Сама Бритт помнила только о самобытности шведских дизайнеров, которая просто недостижима ни для остальных европейцев, ни, тем паче, для американцев. Моя подруга уверовала — чтобы стать настоящим дизайнером, просто необходимо отправиться учиться в шведский колледж, что и сделала в августе этого года. Для американки у Бритт явно странные наклонности, насколько я помню, делать что-то собственными руками, если это не приготовление рождественской индейки или фирменного пирога, у них